

Почему этот человек за одну ночь так сильно изменился, словно вдруг влюбился в него? Это Чай И внезапно осознал его достоинства или это новый способ его мучить?

Сейчас он был в таком состоянии, что не мог выдержать его игр.

Думая об этом, горячее сердце Ци Тяньюй вдруг остыло. Он опустил веки, скрывая свои эмоции, и спокойно сказал:

— Это просто неблагодарный предатель, не обращай на него внимания. Но в Доме Ци нам больше оставаться нельзя.

— Ци Чэнъэнь отпустит нас? — с беспокойством спросил Чай И.

Ци Тяньюй немного смягчил холод в глазах и ответил:

— Не волнуйся, у меня уже есть план.

— Дедушка, вы должны за меня заступиться, — Ван Тяньцы бросилась в объятия Ци Чэнъэнь, плача так, что её было жалко смотреть.

— Этот ничтожество, которому вы разрешили жить в нашем Доме Ци из милости, как он смеет так со мной обращаться? Вы должны за меня отомстить!

Ци Чэнъэнь, конечно, был тронут и нежно гладил её по спине. В этот момент он совсем не походил на того жестокого человека, который мог бросить собственного внука, если тот становился бесполезным.

— Не плачь, Тяньцы, дедушка обязательно за тебя заступится.

Ван Тяньцы подняла голову из объятий Ци Чэнъэнь, её глаза были полны слёз:

— Тогда прямо сейчас схватите Ци Тяньюй и того ничтожество Чай И и выпорите их сотней ударов, чтобы мне стало легче.

Ци Чэнъэнь, однако, выразил сомнение.

Ван Тяньцы заметила его колебания и настойчиво спросила:

— Дедушка, что тот ничтожество Чай И сказал вам в тот день, что вы так его боитесь? Неужели моё происхождение действительно под вопросом?

Видя, как лицо Ци Чэнъэнь становится всё мрачнее, Ван Тяньцы начала сомневаться. Вспомнив слухи, ходившие в Доме Ци, она вдруг сказала:

— Неужели всё, что они говорят, правда? Я не дочь вашей спасительницы, а рождена вами от другой женщины?

— Вздор! — Ци Чэнъэнь резко оттолкнул Ван Тяньцы и строго сказал:

— Ван Тяньцы, так ты со мной разговариваешь?

Ван Тяньцы, увидев, что Ци Чэнъэнь действительно рассердился, не посмела больше спорить, но в душе всё равно осталась недовольна, и слёзы продолжали течь.

Ци Чэнъэнь, видя её в таком состоянии, уже не мог сердиться, и в его сердце осталась только жалость.

Он смягчил тон и ласково сказал:

— Кто это из слуг болтает лишнее? Скажи мне, я велю вырвать ему язык. Твоя мать была чиста, как лёд, и самой добродетельной женщиной в мире. Ты её родная дочь, не думай так о ней.

Ван Тяньцы смотрела на Ци Чэнъэнь с мольбой, и он не мог оставаться строгим. Глядя на её лицо, которое было почти копией его давно ушедшей любви, он стал ещё мягче.

— Ты злишься на Ци Тяньюй, хочешь его ударить и обругать, я, конечно, позволю. Но это не срочно. У него есть Громовая сфера Гуйюань, и если мы будем действовать жестко, он может взорвать её, решив умереть вместе с нами. Дай дедушке немного времени, чтобы всё обдумать.

— Сколько времени? Вы не можете заставлять меня терпеть вечно.

— Три дня, всего три дня, — в глазах Ци Чэнъэнь появилась жестокость.

Ван Тяньцы сразу же сказала:

— Я хочу, чтобы он был жив. Я хочу сама его мучить.

— Он ничтожество, не знающее своего места. Когда вы предложили ему жениться на мне, он не только отказался, но и выбрал того ничтожество Чай И. Он, у которого даже нет небесного духовного корня, как может сравниться со мной, ученицей боевых искусств? Это явное оскорбление для меня, и я заставлю его пожалеть о своём выборе!

— Я хочу, чтобы он своими глазами увидел, как того ничтожество унижают другие мужчины при нём. Я хочу, чтобы он навсегда запомнил этот позор и никогда не смог забыть меня!

— Хорошо, хорошо, всё будет так, как ты хочешь. Когда я схвачу их, ты сможешь делать с ними всё, что пожелаешь.

Представляя, как Чай И унижают перед Ци Тяньюй, а тот может только беспомощно смотреть, Ван Тяньцы почувствовала огромное удовлетворение.

Она злорадно улыбнулась:

— Я заставлю его молить меня взглянуть на него, сделаю его своим рабом, заставлю лизать мои ноги, быть у меня на побегушках, каждую ночь мечтать о том, чтобы я на него посмотрела!

— Дедушка сделает всё, чтобы твои желания исполнились.

Когда дед и внучка говорили это, они совершенно не стеснялись третьего человека в комнате. Ци Тяньюань сначала с удовольствием слушал, как Ван Тяньцы описывала свои жестокие планы по унижению Чай И перед Ци Тяньюй. Но когда он понял, что Ван Тяньцы всё ещё не оставила Ци Тяньюй, его удовольствие сменилось гневом.

Эта женщина собирается выйти за него замуж, а всё ещё думает о другом мужчине! Какая мерзость!

Если бы она не была любимицей Ци Чэнъэнь, он бы никогда не связался с такой распутной

женщиной. Когда он станет главой Дома Ци, он обязательно...

Ци Тяньюань с трудом сдержал своё негодование и вернулся во двор второго сына, где рассказал всё своей матери, Ли Юэмэй.

— Мама, ты думаешь, она хочет оставить Ци Тяньюань не только как раба, но и для своих утех? Она слишком бесстыдная, не знает, что такое стыд.

Ли Юэмэй успокоила сына:

— Сынок, ради власти пока терпи её. Когда ты станешь главой Дома Ци...

Мать и сын, думая о том дне, оба загорелись амбициями.

Тогда они обязательно поставят всех на колени, заставят их умолять о милости.

В Зале Наказаний те тени, которые следовали за Ци Тяньюань, получили по пятьдесят ударов кнутом. Это было наказание за то, что они не смогли схватить Ци Тяньюань и Чай И.

Одна из теней пожаловалась:

— Это ведь великий господин сам испугался Громовой сферы Гуйюань в руках четвёртого молодого господина, так почему же нас наказывают? Если бы это был четвёртый молодой господин, он бы нас не наказал.

Ци Ин, который больше всех пострадал и даже был назван А Но неблагодарным предателем, тоже не получил снисхождения и получил пятьдесят ударов. Но он, в отличие от других, не жаловался, а оставался спокойным.

Ци Ин сказал:

— Всё потому, что вы не приложили достаточно усилий. Если бы вы действительно старались, то схватили бы четвёртого молодого господина до того, как он достал Громовую сферу Гуйюань, и тогда великий господин не оказался бы под угрозой. Я не верю, что вы не смогли справиться с ним, даже если он теперь ничтожество.

Услышав это, все тени перестали стонать и повернулись к нему.

Среди теней Ци Гуй вдруг засмеялся:

— Поэтому я принимаю это наказание.

Сказав это, Ци Гуй встал и ушёл, а за ним последовали другие тени, которые были с ним близки.

— Собери свои вещи, мы уходим завтра в конце часа Хай, — Ци Тяньюань смотрел на бескрайнее голубое небо, но в его сердце было тяжело. — Мы больше не можем оставаться в Доме Ци, Ци Чэньэнь нас не оставит.

Ци Тяньюань повернулся и глубоко посмотрел на Чай И:

— Что касается того, куда мы отправимся, я пока не могу тебе сказать, чтобы избежать ушей за стеной. Не обижайся.

— Не буду, — сразу же ответил Чай И. — Я сейчас же соберу свои вещи, хорошо высплюсь эти два дня, наберусь сил и не подведу тебя.

Серьёзный кивок Чай И показался Ци Тяньюй таким милым, что в его глазах появилась искренняя улыбка.

Ци Тяньюй вернулся в свой двор, и, подходя к двери, его глаза слегка блеснули. Он не вошёл сразу, а подошёл к углу дома и, казалось, случайно пнул ничем не примечательный камень, после чего зашёл внутрь.

А Но и А Фэй, увидев это, поняли, что хозяин хочет что-то им сказать. Потому что этот, казалось бы, случайный жест Ци Тяньюй на самом деле изменил звукоизоляционную формацию, расширив её, чтобы Чай И, живущий по соседству, не мог услышать их разговор.

Они поспешили за ним, встали на одно колено и, склонив головы, почтительно сказали:

— Четвёртый молодой господин.

Тёплый тон, который Ци Тяньюй использовал с Чай И, теперь исчез, его лицо было холодным, а голос ледяным:

— Как там с подготовкой?

— Несколько человек ещё не связались.

Ци Тяньюй спокойно сказал:

— Не будем их ждать, завтра вечером мы уходим.

Услышав это, А Но и А Фэй с удивлением посмотрели на Ци Тяньюй.

<http://bllate.org/book/16366/1480089>